Гетто в огне

Марек Эдельман

SHOUT
SHARE
IT

- Марек Эдельман
  -
- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6

Марек Эдельман
Гетто в огне

«Когда Марек Эдельман, один из руководителей Варшавского восстания, принес мне кипу печатных страниц, он сказал —… „Я — не писатель. Это не литературные материалы и не воспринимайте их как таковые“… Но этот нелитературный труд столь велик по своему значению, что не все шедевры могут с ним сравниться. В четких, конкретных, сдержанных словах, простых и ненавязчивых, сконцентрирована мука исторического значения… Этот подлинный документ твердости, морали и силы, сохранившейся в период самой большой трагедии в истории человечества»

София Налковская, Лодзь, ноябрь 1945

Памяти Абраши Блюма

Когда немцы заняли Варшаву в 1939 году, они застали еврейскую общину в состоянии хаоса и распада. Почти все видные деятели покинули Варшаву 7 сентября. Оставшиеся 300 000 евреев были беспомощны и растеряны. Поэтому община сразу же оказалась полностью во власти немцев, и им удалось беспрерывными преследованиями сломить ее дух. Немецким агентством пропаганды бесперебойно велась целенаправленная работа, распространялись невероятные — по тем временам — слухи, внося в жизнь евреев панику и кошмар. Варварское обращение с евреями очень скоро наглядно продемонстрировало, что их ожидает. Евреев изгоняли из домов, хватали на улицах, чтоб загрузить бесцельной, ненужной работой. Преследования были целеустремленными и систематическими.

Уже в ноябре 1939 года были обнародованы первые декреты: учреждение лагерей для «перевоспитания» еврейского населения и конфискация всех еврейских активов, превышающих 2 000

злотых на семью. Позднее, одно за другим, вышло множество ограничительных правил и постановлений. Евреям запрещали работать в ключевых отраслях промышленности, в правительственных учреждениях, печь хлеб, зарабатывать больше 500 злотых в месяц (при том, что цена хлеба беспрерывно росла и достигла 40 злотых за фунт), покупать и продавать «арийцам», лечиться у «арийских» докторов, а докторам лечить «арийцев», ездить на поездах и трамваях, без специального разрешения выезжать за пределы города, владеть золотом или драгоценностями, и т. д. После 12 ноября 1939 года, каждый еврей 12 лет и старше был вынужден носить на правой руке белую нарукавную повязку с синей звездой Давида, а в Лодзе и Вроцлаве, — желтые, на спине и груди.

Евреев избивали, топтали и убивали без всяких причин. Единственным наказанием за отказ повиноваться инструкциям была смерть. Но и покорное повиновение не ограждало от совершенно фантастических по жестокости преследований. Вершиной всего этого стал неписаный закон о коллективной ответственности. Так в начале ноября 1939 года, 53 мужчин, жителей дома № 9 на улице Налевки, были расстреляны за то, что один из жильцов оказал сопротивление польскому полицейскому. Это был первый случай массового наказания, что усилило панику среди евреев Варшавы. Их охватил неслыханный страх перед немцами.

В этой атмосфере террора и страха Бунд, тем не менее, принял решение продолжать свою политическую и социальную работу. Несмотря на все, что происходило, среди нас нашлись люди, готовые действовать. Необходимо было преодолеть главный психологический барьер, — чувство, что можно погибнуть, без всякого повода, подвергнуться оскорблению и избиению просто за то, что ты еврей. Сознание, что нас не считают за людей, подрывало уверенность в себе и желание работать. Это лучше всего объясняет, почему в первый период после падения Варшавы мы были способны, в основном, лишь на благотворительность, и почему первые инстинктивные порывы вооруженного сопротивления оккупантам появились сравнительно поздно и были вначале сумбурными и неосмысленными. Преодолеть ужасающую апатию, зажечь искру сопротивления, победить давящую панику — даже эти мизерные задачи требовали гигантских усилий.

Даже в самые беспросветные моменты, Бунд ни на минуту не прекращал своей деятельности. Когда ЦК вынужден был в сентябре 1939 года покинуть город, все его руководящие функции взял на себя Абраша Блум. Он, вместе со Шмуэлем Зигельбоймом

и в сотрудничестве с мэром Варшавы Старзинским, организовали еврейские представительства, взявшие на себя заботу о каждом жителе города. Уехал почти весь редакционный совет партийной газеты «Folkszajtung»[1]. Но газета продолжала выходить и в ее выпуске принимали участие Абраша Блум, Клог, Клин и другие.

После небольшого перерыва, продолжали работать общественные кухни и столовые. Почти вся партия и члены профсоюза получили финансовую поддержку. Сразу после прихода немцев было сформировано новое ЦК (А. Блум, Л. Клог, С. Новогродская, Б. Гольдштейн, С. Зишельбойм, а позднее А. Шнайдмил и М. Оржех).

В январе 1940 года, после того, как первая подпольная польская радиостанция была раскрыта и разгромлена, началась новая волна массового террора. В течение одной ночи немцы арестовали и убили более 300 человек, в т. ч. общественных деятелей, интеллигенцию и специалистов. Но на этом дело не кончилось. Была создана так называемая «Seuchensperrgebiet» зона, вне которой евреям запрещали жить. Кроме того, евреев вынуждали практически бесплатно работать и на немцев, и на поляков. Но и этого было недостаточно. Миру хотели показать, что евреев ненавидят не только немцы.

Марек Эдельман

Во время праздника Песах 1940 года немецкий Воздушный Корпус спровоцировал еврейский погром. Для этого собрали польских хулиганов, которым платили по 4 злотых за «рабочий день». Первые три дня хулиганы бесчинствовали, не встречая сопротивления. На четвертый день милиция Бунда вышла им навстречу. Четыре уличных сражения произошли на нескольких площадях в районах улиц Сольна (Мировская площадь), Крохмальная (Гржибовская площадь), между Кармелитской и

Новолипной улицами, на улицах Ниска и Заменхова. Руководил милицией Бунда товарищ Бернард Гольдштейн.

Тот факт, что ни одна из других активных политических партий не приняла в этом участия, весьма показателен, как пример тогдашнего ошибочного представления евреев о нормах поведения. Более того, практически все прочие партии выступили с осуждением наших действий. Тем не менее, это стало нашей первой реакцией на действия немцев, первым примером активного еврейского сопротивления.

Было необычайно важно, чтоб евреи осознали значение этих событий. Необходимо было показать, что избитые и униженные, мы были все еще способны поднять склоненные головы. Это было целью нашего первого Бюллетеня, отпечатанного на разбитой типографской машине, случайно найденной в школе на Кармелитской улице № 29. Редакцию составили Абраша Блум, Адам Шнайдмил и Бернард Гольдштейн. Но население этот Бюллетень воспринял совершенно равнодушно.

В ноябре 1940 года немцы основали в Варшаве гетто. Еврейская община, все еще проживавшая вне зоны «Seuchensperrgebiet», была переведена на его территорию. Всем полякам, жившим в пределах гетто, было приказано выехать. Маленьким предприятиям фабричного типа, торговым центрам и магазинам продлили срок на две недели, до 1 декабря. Но, начиная с 15 ноября, ни одному еврею выходить за границы гетто уже не разрешалось. Все здания, освобожденные отправленными в гетто евреями, были немедленно блокированы немцами, а затем, со всем оборудованием, безвозмездно переданы польским мелким торговцам. Мелкие торгаши и разносчики товаров, типичный продукт военного времени, — на них немцы делали ставку, надеясь извлечь выгоду из контрабандной торговли продовольствием.

Между тем, воздвигались стены и колючая проволока, которые к 15 ноября окружили гетто, отрезав его от внешнего мира. Контакты с евреями, живущими в других городах, также стали невозможными. Евреям не оставили никаких способов заработать на жизнь. Не только все фабричные рабочие, но и все, кто работал на «арийских» предприятиях и в государственных компаниях, в одночасье превратились в безработных. Правда, появилась типичная для военного времени группа «посредников» — торговцев. Но подавляющее большинство оставалось безработными, и они вынуждены были распродавать вещи, стремительно скатываясь в пропасть беспросветной нищеты. Немцы широко пропагандировали в прессе «рост производительного труда в гетто», но на деле довели население до полного обнищания. Численность населения гетто беспрерывно и безмерно росла за счет евреев, выселенных из соседних городов. Эти люди пополняли армию подобных им

изгоев, занятых проблемами выживания, влачивших голодное существование без всякой возможность создать себе новую среду обитания.

Для окончательной изоляции гетто от окружающего мира была издана инструкция, запрещающая проникновение в него какой-либо печатной информации (газет, журналов). Целью ее было формирование у обитателей гетто полуживотного сознания. Жизнь вне стен гетто отдалялась в туманную даль и представлялась как бы не от мира сего. Только проблемы личного характера, самого близкого круга родственников и друзей оставались в фокусе интересов среднего жителя гетто. Самой главной целью становилось простое выживание.

Эту «жизнь» каждого обитателя гетто формировали его среда и возможности. Для немногих богатых она выглядела как временные неудобства при обильном питании; некоторых прислужников гестапо она развращала; деморализовала контрабандистов. Для всей остальной массы трудящихся, в одночасье ставших безработными, она обернулась голодом, жидким благотворительным супом и пайкой хлеба. Каждый пытался как-то приспособиться к этой «жизни». Кто имел деньги, находил смысл существования в сравнительно удобных жилищных условиях, в тяжелом воздухе переполненных кафе, или в музыке и танцах ночных клубов. Кто не имел ничего, был нищим, искал свое «счастье» в гнилой картошке из мусорных ям, находил радость в подачках, в крохах хлеба, чтобы на какое-то время притупить постоянное чувство голода. Это были трагические контрасты гетто, которыми упивались немцы, фотографируя и распространяя по всему миру «доказательства»

неполноценности «еврейского образа жизни». В нищем гетто Варшавы, бедняки пухли и умирали с голоду на глазах у богатых, перед заваленными продовольствием витринами магазинов, куда контрабандисты доставляли «арийские» продукты.

Голод усиливался изо дня в день. Из переполненных темных дворов он выливался на улицы в виде смехотворно раздутых, деформированных, покрытых язвами, обмотанных грязным тряпьем человеческих тел. Безмолвный вопль нищих, всех возрастов, молодежи и детей по всем дворам и улицам.

Дети попрошайничали всюду, в гетто и на «арийской» стороне. Шестилетние мальчишки продирались сквозь колючую проволоку под носом у жандармов, чтобы раздобыть «на той стороне» еду. Так они поддерживали существование своих семей. Нередко одинокий выстрел у колючей проволоки говорил случайным прохожим, что очередной маленький контрабандист погиб в борьбе со всемогущим голодом. Появилась новая «профессия», так называемые «хвататели». Мальчишки, или правильнее, тени прежних мальчишек, вырывали пакеты у пешеходов и тут же, не убегая, поедали их содержимое. В спешке, они иногда набивали живот мылом или сухим горохом….

Нищета со временем достигла такого уровня, что люди умирали от голода на улицах. Каждое утро, приблизительно в 4–5

утра, похоронные телеги собирали на улицах дюжину или больше трупов, прикрытых листом бумаги, придавленным сверху камнями. Некоторые просто падали на улицах и оставались там, другие умирали в домах, но семьи, предварительно раздев их, чтоб продать одежду, выносили труп и клали перед домом, чтобы похороны были за счет общины. Телега (а позднее телеги) с нагими трупами двигалась по неровным улицам. Верхние тряслись на колдобинах и бились друг об друга, или об деревянную телегу.

Когда гетто в очередной раз наполнялось евреями, выселенными из окрестных городков, положение становилась бедственным. Естественно, для них не хватало зданий и жилых кварталов. Теперь бездомные, грязные люди начали слоняться по улицам. Целый день они сидели в устроенных по дворам времянках, ели там, бездельничали и жили. Наконец, когда уже не было другого выхода, их направляли в специально созданные «пункты» — временные дома для беженцев. Эти «пункты» стали одним из самых страшных мест в гетто, рассадником лихорадки и чумы, с которыми невозможно было справиться (лишь некоторых детей селили в детские дома, где условия были лучше).

Несколько сотен людей ютились в каждой из холодных комнат синагоги, бывшей заброшенной фабрики. Неопрятные, паршивые, без какой либо возможности вымыться, недокормленные и голодные (раз в день Юденрат выдает водянистые супы). Остальную часть дня они проводят на своих грязных соломенных матрацах, не имея сил подняться. Стены позеленевшие, слизистые, заплесневевшие. Матрацы обычно лежат на полу, редко на деревянных поддонах. Нередко одно спальное место на целую семью. Это — царство голода и нищеты.

В одночасье в гетто вспыхнула эпидемия сыпного тифа. На входных дверях повсеместно вывешивались предупредительные таблички «Fleckfieber!» Особенно свирепствовал он в перенаселенных «пунктах», где расселили вновь прибывших евреев. Все больницы перешли на инфекционный режим. Каждый день в них поступало по 150 человек. Больные располагались по

2–3 в кровати и на полу. Смерть, косившая людей, позволяла освобождать места для новых больных. Врачи не могли ничем помочь. Их было недостаточно, и лечить было нечем. Могильщики не успевали хоронить. В каждую могилу укладывали по сотне и более трупов, разложенных вокруг на земле и ожидавших своей очереди. Над местом захоронения стоял вызывающий тошноту сладковатый запах разложения.

Эпидемия не утихала. С ней не удавалось справиться. Сыпной тиф был всюду, и грозил всем. Вместе с голодом он брал ежемесячную дань в 6 000 человек (более 2 % общей численности).

В столь трагических условиях, немцы попытались установить некое подобие общественного порядка. Официально управлял жизнью гетто, с самого первого дня его основания, «Юденрат»[2]. Чтобы обеспечить «порядок» была создана еврейская полиция, которая носила специальную форму. С ее созданием детям, таскавшим продукты через проволоку, пришлось усилить бдительность, чтобы не попадаться ей в руки. Община оказалась под тройным гнетом: немцы, польские полицейские и еврейские полицейские. Но Юденрат вынужден был мириться с этим, чтобы создать в гетто хоть какое-то подобие нормальной жизни. Немцы преуспели в насаждении своих соглядатаев в Юденрате. Единственным членом Юденрата, имевшем храбрость отстаивать интересы общины, несмотря на угрозу смертной казни за подобные действия, был товарищ Артур (Шмуэль Зигельбойм)[3].

Такова была жизнь в гетто, когда в Варшаву поступило первое сообщение об отравлении евреев газами в Хелмно (Померания). Новость принесли трое обреченных, сумевших убежать. От них стало известно, что в декабре 1940 года примерно 40 000 евреев из Лодзи, еще 40 000 — из Померании и других регионов, включенных в состав Рейха, а также несколько сотен цыган из Бессарабии, погибли в Хелмно в газовых камерах. Они были уничтожены гитлеровцами, тем самым мерзким способом, который теперь широко известен. Жертвам говорили, что они отправляются на работу и разрешали брать лишь ручную кладь. По прибытии в Хелмно, им приказывали раздеться, каждому давали полотенце и мыло, как полагали, для предстоящего купания. Весь этот маскарад на самом высоком уровне выдерживался до последней минуты. Жертвы заходили в герметично закрытые грузовики, представлявшие собой газовые камеры. Газ в камеру поступал от работающего двигателя грузовика. Потом ехали в лес на окраине Хелмно, еврейские могильщики разгружали уже трупы из камер и хоронили их. Лес был окружен 200-ми эсэсовцами. Ответственным за всю

процедуру был эсэсовец Биковиц. Контроль осуществлялся генералами СС и СА, посещавшими место казни несколько раз.

В гетто этим сообщениям не поверили. Люди, которые со сверхчеловеческими усилиями цеплялись за жизнь, неспособны были даже предположить, что их можно так просто уничтожить. Только наши организованные молодежные группы, прослеживающие устойчивые признаки немецкого террора, восприняли эту информацию как вполне правдоподобную и решили распространить ее среди жителей, чтобы предупредить о грозящей опасности. В середине февраля 1941 года состоялась встреча Абраши Блюма и Абрамека Бортенштейна с членами будущей организации. Все согласились, что идя на смерть, надо оказать сопротивление. Мы стыдились покорности евреев Хелмно, отсутствию всякой самозащиты. Мы не хотели, чтобы такое случилось и с гетто Варшавы. «Мы не будем умирать на коленях» — сказал Абрамек. «Не они будут примером для нас, а люди подобные нашему другу Альтеру Басу». В то время как в Хелмно жертвы умирали пассивно и безответно, Бас был схвачен, как политический лидер, с незаконными газетами и документами в кармане, и подвергнут жестоким пыткам. Он не проронил ни слова, пощады не просил.

Несколько дюжин экземпляров сообщения об убийствах в Хелмно были распространены в гетто. Это сообщение было также послано за границу, вместе с требованием привлечь к ответственности немецкое гражданское население. Но общественное мнение за границей тоже не поверило. Наше обращение так и осталось без ответа. Товарищ Зигельбойм, наш представитель в Польском правительстве в Лондоне, выступил по радио и зачитал текст нашего обращения к миру. На следующее утро его выступление было распространено в гетто, в специальном издании нашей листовки «Der Weker» и в листовках всех других политических группировок.

Начало Советско-Германской войны (лето 1941) стало периодом массовых уничтожений еврейского населения западных областей Украины и Белоруссии. В ноябре 1941 года, начались расстрелы евреев в Вильно, Слониме, Белостоке и в Барановичах. В Понари (под Вильно) десятки тысяч евреев погибли в акциях уничтожения. Новости достигли Варшавы, но неинформированная публика вновь проявила близорукость. Большинство считало, что убийства были не результатом организованных, политических кампаний с целью истребить евреев, а всего лишь примерами недостойного поведения пьяных победителей. Но политические партии начинали понимать

истинное положение дел.

В январе 1942 года была собрана многопартийная конференция. К этому времени все партии согласились, что необходимо вооружаться, что сопротивление — единственно правильный ответ на геноцид. Организации ha-шомер и ha-халуц впервые предложили план объединенного сопротивления. Маурициий Оржех и Абраша Блюм согласились, что вооруженное восстание может быть успешным только в сотрудничестве с ними и с польским подпольем. Однако единая боевая организация в тот период создана не была.

Именно наша группа, стала первой боевой группой польских социалистов[4]. В нее входили Бернард Гольдштейн, Абраша Блюм, и Берек Шнаджмил. В команду первой «пятерки» из инструкторов были включены Либезкинд (из Лодзи), Зигмунд Фридрих, Лей Шпихлер, Абрам Файнер и Марек Эдельман. Мы начали работу с теоретической подготовки, но отсутствие оружия не позволило перейти к практике. Мы были ограничены и в возможности получения разведывательной информации у немцев, и в возможности предупреждать наших людей от возможных «ошибок». В состав групп разведки входили: Пола Лифшиц, Цивья Вакс, Зодка Гольдблат, Лация Бланк, Стефа Мориак, Маня Эленбоген и товарищи от PPS: Мэриан Меремхолк, Митек Даб и др. Несмотря на наши весьма ограниченные возможности, сам факт основания такой организации был чрезвычайно важен. Наша инициатива была встречена полным одобрением всех в нее посвященных.

Продуктовые карточки

В тот период Бунд был достаточно крупной организацией, объединявшей в столь непростых условиях трудовое население. Достаточно отметить, что в торжествах по случаю 44-й годовщины Бунда в октябре 1941 года, участвовали более 2 000

человек.

Тайные встречи для формирования групп сопротивления проходили во многих местах одновременно. Извне это было незаметно, так как собирались эти группы «пятерок» или «семерок» на частных квартирах и стояла задача скоординировать их действия.

Был также восстановлен Центральный Совет профсоюза (Бернард Гольдштейн, Терц, Мермельштейн), объединявший примерно 30 000 прежних членов профсоюза.

Объем работы «Цукунфт» (подполье) был огромным. «Цукунфт Комитет» был основан в первых числах октября 1939 года, а с середины ноября 1939 года уже начались встречи первой «пятерки». Партия еврейской молодежи (ha-цаир) находилась в самых трудных условиях. Молодежь фашисты преследовали с особой жестокостью. За ней непрерывно охотились и отправляли на принудительные работы. Невозможно было спокойно пройти по улице, не говоря уже о постоянной работе. Приходилось вникать в их проблемы, и Цукунфт основывал кооперативные предприятия, где могли работать молодые. В 1940 году были открыты две парикмахерские, кооперативный портняжный цех и кооператив сапожников. Их помещения были не только рабочими местами, но и конспиративными квартирами для встреч членов организации. Тут же был создан первый «Цукунфтштурм» (милиция). С ростом объема работ, комитеты Цукунфт и Скиф были объединены (Хенох Русс, Абрамек Бортенштейн, Лейб Шпихлер, Абрам Файнер, Мириам Зифман, Мойшеле Кауфман, Пивка Розенштейн, Фейгеле Пелтель, Велв Розовский, Янкель Гружка, Цойме Пав, Марек Эдельман).

В 1941 году молодежный отдел вошел в состав Еврейской Социальной Организации Взаимопомощи, и Цукунфт стал одним из важных компонентов этой организации. Все больше молодежи присоединялось к ней. Наши лекторы выступали перед многочисленными молодежными группами, которые создавались при каждом домовом комитете. Существовал хор с большой концертной программой (концерты проходили в библиотеке иудаики). Создавались объединения школьников. Социалистическая Организация Школьной Молодежи (SOMS) набрала за короткое время несколько сотен членов. Были созданы многоплановые политические, образовательные и культурные объединения.

Тогда же, начал крупномасштабную работу среди детей школьного и дошкольного возраста и Скиф (детская организация Бунда), не имевший до того никаких источников финансирования, кроме собранных еще до войны членских

взносов. В каждом доме был устроен так называемый «уголок», где дети были заняты в течение нескольких часов ежедневно. Драматический кружок под руководством Полы Лифшиц, собирался два раза в неделю. В течение сезона 1941 года представления самодеятельных актеров посетили 12 000 детей (пьесы «Куклы» и «Зернохранилище» ставились 80 раз). Для детей 12-15-летнего возраста были созданы специальные классы. Члены Совета преподавателей обучали там по полному курсу средней школы.

Перец Хохман

Мы издавали шесть периодических изданий:. «Дер Векер» (будильник) (еженедельно), «Бюллетень» (ежемесячно), «Цайт Фрагн» («Проблемы Времени» — теоретический политический журнал), «За вашу и нашу свободу» (ежемесячно), «Югнт Штайм» («Голос Молодежи» — ежемесячно), «Новая Молодежь» (ежемесячно). Было чрезвычайно сложно поддерживать эти издания. Единственный старый Skif mimeograph (печатный станок) работал обычно по ночам. Ни о какой электроэнергии не могло быть и речи. Работать приходилось безостановочно при слабом свете карбидной лампы. В 2 часа ночи печатники (Розовский, Зейферман, Блюмка Клог, Марек) жаловались на сильную боль в глазах и невозможность продолжать работу. Но дорога была каждая минута. В 7 утра тираж, независимо от числа страниц, должен был быть готов к распространению. Каждый работал на грани своих возможностей. Наши печатники по две-три ночи в неделю проводили без сна, причем отоспаться невозможно было и днем, чтобы не возбуждать подозрений. Администратор отдела печати, Марек, отвечал также и за распространение тиража. В эту работу включились Зоська Гольдблат, Анка Волкович, Стефа Морик, Мириям Цифман,

Маринка Сегалевич, Клува Кристал-Низенбаум, Хайка Бецхатовская, Галина Лифшиц и другие. За бессонной ночью обычно следовал трудный день, никогда нельзя было быть уверенным, что пресса своевременно и точно дойдет до адресатов.

Однажды Маринку во время распространения 40 копий «Бюллетеня» остановил на улице «темно-голубой» (польский полицейский). Это случилось прямо на границе гетто, на Францисканской улице. Пришлось притвориться «обычной» контрабандисткой, озабоченной заработком, и предложить взятку в 500 злотых. Необычно щедрое предложение показалось полицаю подозрительным, и он попросил показать «товар». Произошло неизбежное. Вместо чулок из-под юбки девушки выпали листы бумаги и разлетелись по улице. Обстановка осложнилась и Маринка уже видела себя в застенках гестапо. Внезапно недалеко от них возникла перебранка, в ход пошли кулаки. Такие беспорядки у границы гетто допустить было нельзя. Полицейские растерялись, не зная, за что хвататься. Воспользовавшись моментом, Маринка сунула полицейскому 500 злотых, собрала газеты и исчезла… Перебранку нарочно затеял «Маленький Костик» (С. Костинский), заметивший затруднительное положение Маринки.

Следует отметить, что импровизированный опрос, который мы сумели провести, показал, что каждый экземпляр наших публикаций читали в среднем по 20 человек.

Наши периодические издания также распространялись и за границами гетто по всей стране. Эта часть работы находилась в ведении уполномоченных ЦК партии Дж. Цейменского и И. Фалька. Кроме того, Мендельсон (Менделе) был делегирован комитетом Цукунфт для организации работы молодежных групп вне Варшавы.

Тем временем террор в гетто продолжал усиливаться, а изоляция от внешнего мира становилась всё более непроницаемой. Людей арестовывали за проникновение на «арийскую сторону» и были созданы «специальные суды» 12 февраля 1941 года в еврейской тюрьме на улице Гесия были расстреляны семнадцать человек, приговоренных к смерти за нарушение границы. В 4 часа утра пронзительные крики уведомили примыкавшие к тюрьме окрестности, что «правосудие» свершилось и эти семнадцать несчастных, включая четырех детей и трех женщин, должным образом наказаны за уход из гетто в поисках куска хлеба или нескольких грошей. Еще долго слышны были крики из других камер тюрьмы, где ожидали своего часа еще 700 арестантов за подобное же «преступление».

В тот же день вся еврейская община была уведомлена об этом официальным письмом, подписанными немецким комиссаром гетто, доктором Ауерсвалдом.

Мауриций Оржех

Гетто с полной определенностью ощутило дыхание смерти.

В тот же день, во время короткой встречи Исполкома партии (Абраша Блум, Лузер Клог, Берек Шнайдмил, Марек Оржех), было предложено издать и разослать по почте короткую листовку: «Позор Убийцам».

Гетто было ошеломлено ужасом случившегося и ожиданием крупномасштабных акций со стороны немцев. Жителей в очередной раз предостерегали от вооруженного сопротивления, в очередной раз предупреждали о коллективной ответственности за любые проявления протеста.

События начали развиваться в стремительном темпе. Улицы гетто стали кровавой скотобойней. Немцы стреляли в прохожих без какой-либо провокации с их стороны. Люди боялись выходить из дома, но немецкие пули настигали их через окна. Были дни, когда их жертвами становились 10–15 случайных прохожих. Один из наиболее известных садистов, шуцполицай Франкенштейн, убил за месяц 300 человек, более половины из них были дети.

Немецкая и еврейская полиция устраивали на улицах облавы. Схваченные депортировались в различные трудовые лагеря. Немцы извлекали из этого двойную пользу: получали необходимую рабочую силу и демонстрировали, что депортируемые отправляются на военные производства в германских лагерях. Они даже проявляли «великодушие», разрешая записываться на депортацию всем семейством.

Из лагерей, тем временем, различными путями приходили сообщения о массовых казнях.

Множество таких писем доходило до гетто, но в массовое уничтожение евреев люди все-таки не верили. Депортации

проходили по всей стране, предположительно, в Бессарабию. На это не обращали особого внимания. Гетто упрямо верило слухам, что информация поступает от одних и тех же людей. Таким же образом отвергались, как недостоверные, сообщения об уничтожении целого эшелона немецких евреев привезенных в прошлом году в Люблин. Рассказы о расстрелах в Люблинском лесу были слишком ужасны, чтоб счесть их правдоподобными.

Гетто не верило.

Мы, в свою очередь, делали всё возможное, чтобы получить оружие с «арийской стороны». Мы расширили боевую организацию, в которую входила главным образом бундовская молодежь (Шмуль Костринский, Юрек Блонс, Янек Билак, Лейб Розенштейн, Ици Шпилберг, Куба Зильберберг, Маня Эленбоген и многие другие). Трудно описать все препятствия, которые возникали на нашем пути. Это была беспрерывная цепь разочарований и неудач. Невозможность заполучить оружие, отсутствие какого-либо понимания наших усилий со стороны польских товарищей — на фоне этой реальности наша группа работала и росла.

Казалось, что еще немного, и мы добьемся своей цели: оружие начнет поступать в гетто. Но вместо этого приходило известие о ликвидации гетто в Люблине. Еще через несколько месяцев серьезная «ошибка» Целека и многих других в Питкове и Люблине привела к тому, что связь с группами вне гетто была почти потеряна. Гетто Варшавы, почти отрезанное от внешнего мира, последние страшные сообщения встречало скептически. Находилось много причин отрицать малейшую возможность подобных масштабов насилия, люди отказывались смириться с мыслью, что подобные убийства могли произойти в столице

Польши, где проживало 300 000 евреев. Обсуждали друг с другом подобные слухи и пытались убеждать себя и других, что «даже немцы не будут убивать сотни тысяч людей без всякой причины, тем более что в этом нет никакой необходимости». Нормальный человек с нормальной логикой просто не способен додуматься до того, что различие в цвете глаз или волос, или различия в расовом происхождении могло стать достаточной причиной для убийства.

Однако, сразу после того, как поступили эти сообщения, ночью 17 апреля 1942 года, произошли трагические события, предвещавшие то, что на самом деле нас ожидало. Более пятидесяти сотрудников были этой ночью схвачены по домам, и немецкие офицеры расстреляли их на улицах гетто. Из наших товарищей мы тогда потеряли Гольдберга и его жену, Нафтали Лерух и его отца, Скляр, и др. Соня Новоградская, Луцер Клог и Беренбаум стали жертвами немецкой охоты на людей. На следующее утро всё гетто, ошеломленное, напуганное до истерики, пыталось понять, в чем причина этого зверства. Большинство пришло к заключению, к которому их подводили: виновны политические лидеры. Всякую нелегальную деятельность следует прекратить, чтобы не умножать и без того огромное число жертв.

19 апреля в специальном выпуске «Дер Векер» мы пытались разъяснять, что последний расстрел — очередной этап в системной политике истребления евреев, всех евреев, а не только евреев гетто. Они расстреляли наиболее активных членов общины, чтобы предотвратить любые попытки сопротивления, как было в Вильно, Белостоке, Люблине и других городах. Наше заявление было проигнорировано, как и все предыдущие. Лишь некоторые группы молодежи, в том числе ha-шомер и ha-халуц согласились с нашей позицией.

К этому моменту была завершена реорганизация нашей работы. Подпольную деятельность было решено вести маленькими группами, ориентируясь на подготовку общего сопротивления. Направлял и координировал работу Исполком партии: Абраша Блум, Берек Шнайдмил и Марек Оржех. Бойцы «пятерок» проходили в группах основы военного обучения. Были подготовлены специальные распоряжения, разработан детальный план действий на случай немецкой попытки занять гетто. Доставка оружия, обещанного PS (польскими социалистами) должна была осуществиться в ближайшее время. Предполагалось получить 100 пистолетов, несколько дюжин винтовок и гранат.

Тем временем наша численность снижалась в результате непрекращающихся расстрелов. С 18 апреля до 22 июля 1942 года

фашисты уничтожали по 10–15 жителей гетто в ночь. Никто из наших товарищей не жил дома в эти дни. Но предсказать поведение немцев и их намерения было невозможно. Они брали заложников из всех социальных групп — контрабандистов, торговцев, рабочих, специалистов и т. д. Их целью было запугать всех до такой степени, чтобы исключить какие-либо стихийные или организованные действия. Страхом смерти они надеялись парализовать в зародыше народное сопротивление и вынудить к слепому и пассивному повиновению. Это было ясно лишь небольшой горстке. Гетто в целом неспособно было осознать истинные причины столь мерзкого поведения нацистов.

Сегодня трудно постичь жизнь в гетто в те дни, предшествовавшие началу массового истребления его жителей. Теперь садистские и зверские методы обращения немцев с мирным населением известны всему миру. Вот лишь несколько примеров, обычных для того времени.

> Трое детей сидят перед больницей «Берсон и Бауман». Жандарм, проходя, расстреливает всех троих.
>
> Беременная женщина спотыкается, переходя улицу, и падает. Наблюдающий немец тут же стреляет в лежащую женщину.
>
> Многих контрабандистов, пересекающих границу гетто, уничтожали следующим образом: немцы, переодетые в гражданскую одежду, с еврейскими нарукавными повязками и со спрятанным оружием, дожидаются момента, когда контрабандисты пробираются через ограждение. В тот же миг извлекается автомат и вся группа уничтожается.
>
> Каждое утро маленький «оппель» останавливается на улице Орла. Каждое утро из машины выводят скованного человека и расстреливают у входа в дом. Это евреи, пойманные на «арийской стороне» без документов.

В середине мая 1942 года расстреливают 110 заключенных так называемой, Центральной Тюрьмы («Гесиовка»), арестованных за незаконный переход границы гетто. Один из наших товарищей (Грилак) видел, как заключенных вывозили из тюрьмы на специальных грузовиках. Почти все они шли спокойно, и вдруг одна женщина в нескольких шагах от грузовика прокричала: «Я умру, но ваша смерть будет намного хуже!» Естественно, об этом не упоминалось в специальном сообщении немецкой

администрации о казни 110 «преступников».

Примерно в то же время произошел очередной «прокол» в нашей работе. Немцы обнаружили квартиру, где действовал наш печатный станок. Они не нашли там ни одного из наших людей, так как разведка сообщила об ожидаемом в течение 24-х часов обыске. У нас было достаточно времени, чтобы перенести наши газеты, мимиограф и пишущие машинки в другое, безопасное место.

Теперь настроение в гетто менялось ежедневно. Поворотным моментом стало 18 апреля. До того дня, как бы трудно ни жилось, обитатели гетто надеялись жить дальше, распределить жалкие доходы, чтоб хватило до конца месяца, сделать заготовки, протянуть еще зиму. 18 апреля почва из-под ног была выбита. Каждая ночь заполнялась звуками выстрелов и топотом солдатских сапог. Немцы демонстрировали, что каждый живет в карточном домике, готовом рухнуть в любой момент. Всем стало ясно, что гетто подлежит ликвидации, но никто не предполагал уничтожения его жителей.

22 июля 1942 года в 10 утра у здания Юденрата появились немецкие машины. Перед Юденратом была поставлена задача: все неработающие евреи высылаются на Восток. Поле этого немцы отбыли, и началось секретное заседание. Никто из членов Юденрата не хотел рассматривать главный вопрос — должен ли Юденрат брать на себя обязательство выполнять это постановление.

Уже на следующее утро большие белые объявления, подписанные Юденратом (текст объявления диктовал обершарфюрер Хёфле) разъясняли жителям гетто, что все, за исключением работающих на немцев (здесь следовали тщательно подготовленные списки рабочих мест, которых новый порядок не касался), служащие Юденрата и ZSS (еврейская взаимопомощь) должны будут оставить Варшаву. Еврейская полиция была назначена ответственной за поддержание порядка при высылке, она переходила в подчинение штаба депортации. Таким образом немцы вынудили Юденрат послать на смерть более 300 000 жителей гетто.

В первый день депортации были вывезены 2 000 заключенных центральной тюрьмы, в т. ч. несколько сотен схваченных на улицах нищих и бездомных.

Днем прошла встреча нашей «пятерки» с инструкторами. Было решено, что ввиду отсутствия оружия и невозможности оказать сопротивление, надо постараться спасти от высылки как можно больше людей. Мы надеялись, что контакты, налаженные некоторыми благотворительными организациями с членами

еврейской полиции, отвечавшей за депортацию, могут оказаться полезными. Однако, еще до окончания встречи, не успев выработать план действий, мы узнали, что немцы и украинские националисты окружили квартал между Мурановской и Ниской улицами. Они действовали по четкому плану, в котором учитывались даже «технические детали». Уже схвачены более 2 000 человек, то есть, недостающее количество для выполнения дневной нормы — 6 000 человек в день. По поступившей информации брали всех без исключения, даже тех, кто имел удостоверения о занятости на немецких предприятиях (именно в это время погиб Л. Розенштейн). Таким образом, наши планы оказались нереальными.

На следующий день, 23 июля, состоялась встреча Комитета, на которой были представлены все партии. Наша группа, поддержанная только ha-халуц и ha-шомер, настаивала на активном сопротивлении. Но общественное мнение было против нас. Большинство все еще считало подобные действия провокационными и полагало, что, депортировав запланированное количество, остальное гетто оставят в покое. Они уже руководствовались исключительно инстинктом самосохранения и готовы были пожертвовать другими ради спасения собственной шкуры. Кроме того, никто все еще не верил, что депортация означает неизбежную смерть. Фашисты, как видим, преуспели в раскалывании еврейской общины на две группы — тех, кто уже обречен, и тех, кто еще надеется остаться в живых. В дальнейшем немцы будут, шаг за шагом, использовать этот метод разобщения и стравливания, заставляя одних евреев из чистого шкурничества посылать на смерть других.

Адам Черняков в Юденрате

В течение первых дней «акции» Совет партии заседал непрерывно (Оржех, Абраша Блум, Берек Шнайдмиль, Соня Новогродская, Бернард Гольдштейн, Клог, Пав, Грилак, Мермельштейн, Терц, Войланд, Русс, Марек Эдельман, и товарищи от польских социалистов). Мы ожидали, что в любой

момент может придти оружие. Наши молодежные группы были в полной готовности. Три дня, пока мы надеялись его получить, все группы ожидали приказа в местах сбора. Все волновались, предчувствуя схватки с задействованной в «акции» еврейской полицией.

На второй день «депортации» председатель Юденрата, Адам Черняков, от безысходности покончил жизнь самоубийством. Он, несомненно, знал, что «депортация на Восток» фактически означала смерть сотен и тысяч людей в газовых камерах, и отказался брать на себя ответственность. Однако мы считали тогда, что он не имел права так поступать. Мы думали, что, он — единственный человек в гетто, обладавший властными полномочиями — обязан был сказать общине всю правду, а также распустить еврейские административные органы, в первую очередь, еврейскую полицию, юридически подчиненную ему.

В тот же день вышла листовка «Начеку», в которой мы призывали жителей не идти на депортацию добровольно, оказывать сопротивление. «Помощи ждать неоткуда, — писал в листовке Оржех, — значит, нет смысла покорно ожидать и прятаться. Мы должны сопротивляться всеми средствами, какие имеем!» Эта листовка, изданная трехкратным тиражом, распространялась по всему гетто на четвертый и пятый день депортации.

Все, что мы могли сделать, это понять сами и с фактами в руках объяснить другим, что ожидает транспорты, уходящие из гетто. Залман Фридрих (Зигмунд) решил проследить путь одного из транспортов «на арийской стороне». Его поездка «на Восток», продолжалась три дня. Выйдя из гетто, он установил контакт со служащим железнодорожного терминала Варшавы Данциг (Гданьск), работавшего на ветке Варшава-Малкиния. Они вместе проехали по следу эшелона к Соколову (за один перегон от Треблинки), где Зигмунд разговаривал с местными железнодорожниками. Заплатив им за информацию, он выяснил, что каждый день товарный состав, везущий людей из Варшавы, следовал в направлении Треблинки и неизменно возвращался пустой. Никаких транспортов с продовольствием в этом направлении они не замечали. Гражданским лицам приближаться к железнодорожной станции Треблинка было запрещено.

Следовательно, люди, привезенные в Треблинку, уничтожались где-то поблизости. Кроме того, на следующее утро Зигмунд встретил двух беглецов из концлагеря. Это были два совершенно голых еврея, которых он встретил на рынке в Соколове и узнал от них все детали ужасной бойни. Одним из них был наш товарищ Валлах, который изложил свои свидетельские показания в письменном виде.

После возвращения Зигмунда мы выпустили вторую листовку «Начеку» с подробным описанием происходящего в Треблинке. Но даже после этого община отказывалась верить правде. Люди просто закрывали глаза на неприятные факты и «опровергали» их, как только могли.

Тем временем немцы, не мудрствуя лукаво, подготовили новый пропагандистский трюк. Они предлагали по три килограмма хлеба и по килограмму мармелада каждому, кто добровольно зарегистрируется для «отправки». Пропаганда и голод предопределили действенность этой приманки. Желающих оказалось более чем достаточно. Этот пропагандистский трюк нейтрализовал все наши предупреждения о газовых камерах («если убивать собираются — зачем же хлеб раздают?»). Голод — самый сильный аргумент, три пышных и пахучих буханки хлеба заслонили весь горизонт. Их вкус, который каждый мог ощутить во рту, прямиком вел от дома до «Умшлагплац»[5], где формировались транспорты. Такой знакомый и уже давно забытый запах, мешал осознать очевидное. И вот — сотни людей по нескольку дней томились в ожидании депортации. Столько

людей, жаждали получить три килограмма хлеба, что число депортируемых возросло вдвое и транспорт не справлялся с ежедневной перевозкой 12 000 человек.

Петля вокруг гетто затягивалась. Спустя некоторое время так называемое «Маленькое гетто» (район улиц Тварда и Пахска) был полностью очищен от жителей. Через десять дней все «добровольцы», детские дома («Дом сирот Корчака»), и беженцы были отправлены, и началась системная «блокада» городских кварталов и улиц. Люди с пакетами переходили от улицы к улице, пытаясь предугадать район очередной облавы, чтоб удрать оттуда.

> Жандармы, украинская и еврейская полиция действовали скоординированно. Их роли были четко распределены. Жандармы оцепляют улицы; украинцы, внутри оцепления, окружают выбранное здание; еврейский полицейский обходит внутренние дворы и созывает всех жителей. «Все Евреи должны выйти из дома. Разрешается взять с собой 30 килограммов багажа. Оставшиеся внутри зданий будут расстреляны…» Приказ повторяется. Люди стекаются из всех подъездов. Нервно и поспешно надевают, что сочли подходящим. Некоторые только встали с постели, другие несут, что могут унести: ранцы, пакеты, горшки и кастрюли. Окидывают друг друга испуганным взглядом. Сбылись наихудшие опасения. У дороги, перед домом, их сгоняют в группы. Не позволяют разговаривать, но они все еще пытаются разжалобить полицейских. Группы объединяют в одну колонну. Жандарм с винтовкой подзывает случайного прохожего, который слишком поздно сориентировался, не успел вовремя уйти с обреченной улицы. Еврейский полицейский заталкивает его в колонну. Если полицейский сохранил хоть каплю совести, он прячет огрызок бумаги с адресом семьи жертвы, чтобы сообщить им…. Теперь здания пусты, входы в квартиры приоткрыты, согласно инструкциям, украинцы делают беглый поверхностный осмотр. Они открывают закрытые двери ударом тяжелых ботинок или прикладом винтовки. Два-три выстрела возвещают о смерти тех немногих, кто не подчинился приказу и остался в доме. «Блокада» закончена. В чьей-то покинутой квартире на столике остывает недопитый стакан чая, и засыхает кусочек хлеба.
>
> Люди из еще не «блокированной» области отчаянно

ищут в окруженной украинскими и еврейскими полицейскими колонне родственников и друзей. Колонна медленно движется по улицам. Позади реквизированные «рикши» везут на телегах стариков и детей.

Это — долгий путь к «Умшлагу». Оттуда, с конца улицы Ставки, их повезут спецтранспортом. В высоком заборе, окружающем площадь, есть один узкий проход, который охраняется жандармами. Через этот проход колонна беспомощных, обессиленных людей проходит внутрь. В руках у каждого бумаги: рабочие удостоверения, удостоверения личности. Жандарм при входе бегло осматривает их. «Rechts» — жизнь, «Linkѕ» — означает смерть. Хотя каждый заранее знает тщетность попыток повлиять на выбор, он все же пробует продемонстрировать собственную полезность для немецкой промышленности, немецкого хозяина и надеется услышать «Rechts». Жандарм не реагирует и не слушает. Иногда требует показать руки. Он выбирает молодых, иногда — блондинок, утром отдает предпочтение низкорослым; вечером — высоким. «Linkѕ», «Linkѕ», «Linkѕ».

Человеческий поток заливает площадь и три больших трехэтажных здания бывшей школы. Здесь держат много людей «в резерве», на случай, если не доберут норму следующих четырех дней. Четыре или пять дней они ждут загрузки в товарные составы. Люди заполняют каждый сантиметр свободного пространства, здания, пустые комнаты, прихожие, лестницы. Слизистая грязь хлюпает на полу. Ноги на каждом шагу погружаются в человеческие экскременты. Запах пота и мочи перехватывает горло. В оконных проемах нет рам, а ночи холодные. Некоторые одеты только в ночные рубашки или халаты.

На второй день от голода начинает подводить живот и люди бьются в болезненных судорогах, от жажды трескаются губы. Никто уже не вспоминает про три буханки хлеба. Потные от лихорадки дети лежат на руках матерей. Люди усохли, сжались и посерели. Дикость, безумие и ужас появились в глазах. Они выглядят бледными, беспомощными, отчаявшимися. Рухнули все иллюзии на пороге страшного последнего дня, мысль о котором гнали и считали невероятной. От кошмара происходящего гудит в груди, перехватывает

горло, давит на глазные яблоки, рот раскрывается в беззвучном крике. Старик умоляюще и лихорадочно цепляется за незнакомых людей, стоящих рядом. Бессильная, страдающая мать прижимает к себе троих детей. Каждый хотел бы закричать, но некому услышать вопль, Нечего ждать, не о чем думать. Каждый сидит в своем углу, на мокром полу в грязи и экскрементах. Воздух становится все удушливее из-за вони тысяч тел. Внезапно понимаешь, что все потеряно, что ничего нельзя сделать, что приближается конец.

Возможность покинуть «Умшлаг» все же существовала. Но она была мизерной, каплей в море. Немцы сами создали эту возможность, когда передали в распоряжение «Умшлага» детскую больницу Малого гетто и открыли станцию неотложной помощи тем, кого приговорили к смерти. Ее персонал сменялся дважды в день, утром и вечером. Все сотрудники были одеты в белые халаты и имели рабочие удостоверения. Достаточно было украсть белый халат, чтобы сойти за доктора или медсестру. Некоторые медсестры брали детей и выводили, выдавая за своих. Со взрослыми было сложнее. Их можно было послать на кладбище или в больницу для взрослых, но только с разрешения немцев. Таким образом, здоровых людей вывозили из «Умшлага» в санитарных машинах и в гробах. Через некоторое время, немцы начали проверять санитарные машины и состояние «больных». Поэтому, чтобы предъявить бесспорное доказательство, тех стариков и женщин, чья смерть временно откладывалась, отводили в укромную комнату и там им ломали ноги, без анестезии.

И еврейская полиция тоже «помогала» выйти, за огромные деньги, золото и драгоценности. Спасенные (их число было мизерным), обычно вскоре вновь оказывались в «Умшлаге» и, в конечном счете, отправлялись в тот же роковой путь в тех же железнодорожных вагонах, что и остальные жертвы.

Но люди прилагали невероятные усилия, чтобы вырваться из толпы обреченных. Они цеплялись за халат проходящей медсестры, надеясь укрыться за ним и проскользнуть в дверь, охраняемую еврейским полицейским.

Отец упрашивает, чтобы, хотя бы его ребенка поместили в больницу… Доктор Анна Брауде-Хеллер, главврач больницы Бернсон и Бауман, берет его из рук отца и принимает, несмотря на возражения охраны.

Элена Цзефнер, оказавшаяся в «Умшлаге» после очередной облавы, и там умиравшая, также была помещена в больницу

нашими товарищами и при первой же возможности покинула ее со справкой от доктора.

Янек Строз, когда его выводили из корпуса, был задержан еврейским полицейским. Он претворился умалишенным, но мы уговорили полицейского пропустить Янека за спиной жандарма.

Бывали случаи, когда наш человек, посланный в «Умшлаг», чтобы спасать других, сам оказывался в числе обреченных. Такая участь постигла одного из самых храбрых — Самека Костринского, он попал в западню и погиб вместе с депортированными.

Но самая трудная задача в «Умшлаге» — выжить уже после того, как транспорт загружен. Загрузка велась ежедневно дважды — утром и вечером. Цепь украинцев окружала плац с людьми. Звучали выстрелы, и каждый выстрел находил своею цель. Выстрелами толпу уплотняли и, как скот, подгоняли к ожидавшему грузовику. Люди пытались вырваться из оцепления и убежать в здание. Наш товарищ Мендельсон (Менделе) прорвался на чердак и просидел там три дня. Несколько девушек, членов Скиф, скрывались там пять дней, и были позднее выведены с группой медсестер.

Украинцы работали четко. Не все жертвы двигались достаточно быстро, но грузовики всегда были заполнены. Однажды мать загнали на грузовик, но для ее ребенка места не было, и его оттащили, чтоб загрузить в следующий. Рывок матери воспринимается как сопротивление. Следует выстрел.

Также заполняются и железнодорожные вагоны. И так весь путь до Треблинки и газовой камеры.

Во время этих акций мы потеряли почти всех наших товарищей. От первоначальной группы, насчитывавшей более 500 человек, осталось лишь несколько десятков. ha-халуц повезло больше. Она почти не пострадала. Они устроили несколько поджогов и покушение на командира еврейской полиции Й. Шеринского.

В начале августа 1942 года погибли лучшие из наших боевых товарищей: С. Костинский, И. Шпилберг, Пола Лифшиц, Цивья Вакс, Маня Эдельбоген, Куба Зильберберг. Хануся Вассер и ее мама Маня Вассер, Галина Брандес и ее мать — погибли… Товарищ Оржех, разыскиваемый гестапо, несколько раз скрывался на «арийской стороне».

13 августа 1942 года прямо с фабрики W.C. Tobbens была взята Соня Новогродская. Это было странно. За два дня до этого Соня, глядя в окно на толпу возвращавшихся с работы, сказала: «Мое место не здесь. Смотри, кто остается в гетто — сброд один. Рабочий класс маршем отправляется в „Умшлаг“. Я должна идти с ними. Если я буду с ними, они, может быть, не забудут, что они люди, даже в последние минуты, на грузовиках и после»…

Нас осталось горсточка. Мы делали все, что могли, но могли очень немного. Оставшихся мы стремились сохранить любой ценой. Мы устраивали наших людей в немецкие учреждения, что представлялось наилучшим выходом. И все равно мы начали терять контакты друг с другом. Только одна большая группа товарищей (20–25 человек) была сохранена, — на «фабрике щеток» на Францисканской улице.

Это был самый трагический период. На наших глазах исчезла вся организация. Рушилось все, что мы так тщательно создавали все долгие и трудные годы войны. Всеобщее опустошение обессмысливало, сводило на нет наши усилия и труды. Тем, что удалось пережить кошмар того ужасного времени, мы обязаны, главным образом, Абраше Блуму.

К середине августа в гетто осталось всего лишь 120 000 человек. Первая часть «акции», по-видимому, завершилась. Штаб «Умшлага» покинул Варшаву, без каких либо указаний на будущее. Но все равно надеяться было бесполезно. Вскоре стало ясно, что немцы используют короткую паузу, чтобы ликвидировать еврейские гетто в близлежащих городах — Отвок, Фаленица, Мидзежин. Все, в том числе и дети санатория Медем, были депортированы из Мидзежина. Роза Эйхнер погибла смертью мученика.

После временного перерыва, депортации из Варшавы возобновились с еще большим усердием. Теперь «блокады» стали регулярными и более опасными для нас, так как людей стало меньше и уменьшилась площадь гетто. Они стали для немцев более трудоемкими, так как люди уже научились прятаться. Поэтому появился новый метод: каждый еврейский полицейский был обязан ежедневно доставлять в «Умшлаг» семь «голов». Это была игра на выживание. Прежде еврейским полицейским не приходилось такой ценой выкупать собственную жизнь, они могли позволить себе за фантастическую цену выпустить медсестру с ребенком, или мать с ребенком на руках. Теперь же, 7 «голов» на одного полицейского стало безоговорочным правилом.

Да, еврейская полиция, конечно же, вписала своими «деяниями» собственную страницу в историю Варшавского гетто.

6 сентября 1942 года всем оставшимся жителям гетто было приказано переселиться на улицы Геся, Заманхоф, Любецкого, Ставки (примыкают к кладбищу на карте — И.Х.). Была проведена заключительная регистрация.

> …От всех руководителей к членам ячеек. Мы все едины. С нами все наши друзья… Мы слышим слова Рут Перенсон, которая говорит своему маленькому Нику: «Ты не должен ничего бояться. Скоро произойдет ужасное. Они хотят уничтожить всех нас, но мы не позволим им. Мы будем сопротивляться с той же силой, с какой они будут давить на нас…»

Но ничего подобного не произошло. Все жители гетто были согнаны в тесноту указанных кварталов. Служащие Юденрата, работники здравоохранения, работники больницы (больные были отправлены в «Умшлаг»). Немцы определили ограниченное число людей, которым разрешали остаться в каждом из немецких учреждений и в Юденрате. Эти избранные личности получили пронумерованные удостоверения, гарантирующие жизнь. Для «неизбранных» возможность раздобыть такое удостоверение теоретически исключалась, но на самом деле существовала. Все усилия людей были направлены на получение такого пропуска. Все остальное внезапно потеряло всякую важность. Некоторые скандалили, требуя «пропуск», доказывая свое право на жизнь. Другие, отчаялись, сдались и покорились судьбе. Окончательное решение был за оккупационной властью. Через два дня, каждый час которых, казалось, растягивался до бесконечности, избранным дозволено было возвратиться на прежнюю работу, где они отныне должны были и проживать. Прочие отправлялись в «Умшлаг», в т. ч. и семьи еврейских полицейских.

> Нет слов в человеческом языке, чтоб описать «Умшлаг» теперь, когда никакая справка ниоткуда уже не могла помочь. Больные, взрослые и дети, привезенные сюда из больницы, лежали в пустых, холодных залах. Они испражнялись, где лежали, и так и оставались в зловонной слизи экскрементов и мочи. Медсестры искали в толпе своих отцов и матерей и, найдя их, с опустошенными дико сверкающими глазами, вводили в вены больных желанный смертельный морфий. Доктор с состраданием вливает цианид в обметанные лихорадкой губы больных детей. Цианид теперь самая драгоценная и незаменимая вещь, он приносит тихую, мирную смерть, избавляющую от кошмара грузовиков. Но достать его невозможно.

Таким образом немцы в течение двух дней депортировали 60 000 человек.

Из «сводки новостей» — следующие наши товарищи были депортированы: Натан Либескид, Дора Косиотек, Дж. Грушка, Анка Волкович, Михельсон, Клува Кристал-Нисенбаум и многие другие. Товарищ Бернард Гольдштейн, которого немцы специально разыскивали, вынужден был скрыться на «арийской стороне».

12 сентября «акция» была официально завершена. В гетто осталось 33 400 евреев, работающих на фабриках немецких предпринимателе и 3 000 служащих Юденрата. Фактически,

считая тех, кто скрывался в подвалах и т. п., оставалось примерно 60 000 человек. Все жили на своих рабочих местах. Новые границы разделили гетто, между населенными участками образовались обширные пустые кварталы. На мертвые тихие улицы глядели пустые оконные проемы, из которых несло зловонием непогребенных трупов.

К тому времени гетто включало: (1) район фабрик Тоббенса, Шулца, магазины Рохрича, — улица Лежно, Кармелитская улица, Новолипская улица, Смоша, Новолипская и Железная улицы до Лежно; (2) «район фабрики щеток» — Светожерская улица, Валова, Францисканская и Бонифратовская улицы до Светожерской; (3) «центральное гетто» — улица Гесия, Францисканская, Бонифратовская, Мурановка, Покорна, Ставки, Парижская площадь, и улица Смоша до Гесия.

Рабочим одной фабрики запрещали теперь общаться с коллегами с другой. Немцы на полную катушку использовали для себя оставленную нам жизнь. Обычная продолжительность рабочего дня для евреев была 12 часов, а иногда и больше, без выходных и без какого-либо перерыва. Положение с продовольствием было просто катастрофическим. В начальный период существования гетто в нем свирепствовали лихорадка и чума, на сей раз беспрепятственно распространялся туберкулез.

Только сборщики мусора и могильщики (так называемые «Пинкер-мальчики» — по имени известной Варшавской еврейской похоронной компании) обогащались, перевозя на «арийскую сторону», в гробах и под мусором, ценности, воспользоваться которыми гетто уже не могло. Мечтой каждого жителя еврейского района стало — перебраться на «арийскую сторону» и обосноваться там.

В начале октября 1942 года прошли переговоры между нашим Исполкомом и боевой группой организации ha-халуц. Целью переговоров была создание объединенной организации. Этот вопрос, обсужденный ранее среди наших товарищей, был наконец улажен на встрече 15 октября. Было принято решение о формировании единой боевой организации для подготовки вооруженного сопротивления в момент, когда немцы начнут проводить в Варшавском гетто новые «акции» уничтожения. Мы поняли, что только скоординировав нашу работу, собрав воедино все силы и возможности, можно достичь каких-то результатов.

Мордехай Анилевич

Приблизительно 20 октября был сформирован так называемый Координационный Комитет (КК), в который вошли представители всех политических партий, нас представляли в нем Абраша Блум и Берек Цнажман. Одновременно была основана новая объединенная Боевая Организация Еврейского Сопротивления (ЖОБ). Мордехай Анилевич (ha-шомер) стал ее командиром. От нашей группы в руководство входил Марек Эдельман. Доктор Л. Файнер («Миколай») представлял КК на «арийской стороне». В Исполкоме КК был комитет пропаганды, где нас представлял Абраша Блум.

Так как гетто было разделено на отдельные части, между которыми не имелось почти никакой связи, ЖОБ вынуждена была взяться за ее организацию. Мы взяли на себя руководство в «секторе щеточной фабрики» (Грилак), районе W.C. Tobbens (Пав) и окрестностях улицы Проста (Керч). Нам удалось сформировать несколько боевых групп. Таким образом, Б. Пелц и Гольдштейн руководили двумя «пятерками» в центральном гетто; Юрек Блонес и Янек Билак возглавляли две «пятерки» в районе магазина кистей, А. Фажонер и Н. Хмельницкий командовали в районе фабрики Шульц, а В. Розовский командовал нашей группой в районе магазина Рохлих.

Мы вновь создали большую боевую организацию, но проблема оружия так и оставалась нерешенной. В гетто практически не было оружия. Следует принять во внимание, что это был 1942 год. Движение сопротивления поляков только начинало формироваться, а о партизанах в лесах ходили слухи совершенно недостоверные. До марта 1943 года никакого организованного сопротивления с польской стороны не было. Поэтому все наши усилия получить оружие и боеприпасы через представителя правительства или иные представительства не

дали никаких результатов. Нам удалось получить лишь несколько пистолетов от Гвардии Людовой.

Впоследствии было проведено две боевых операции: покушение на командира еврейской полиции Лежкина 29 октября, и на Дж. Фирста (представитель Юденрата в штабе «Умшлаг») 29 ноября.

Таким образом, ЖОБ проявила себя. Рассчитались еще с несколькими еврейскими диспетчерами, издевавшимися над еврейскими чернорабочими. Во время одной из этих операций в районе Халлман (столярная мастерская), немецкая охрана арестовала трех наших боевиков. Но ночью наша группа из района Рохлих, во главе с Г. Фрайздорфом, разоружила немецких охранников и освободила заключенных.

Следующий инцидент — хороший пример условий, в которых мы вынуждены были работать. В середине ноября (в «тихий» период) несколько сотен евреев были депортированы, предположительно в концентрационный лагерь в Люблин. По дороге Б. Розовский вырезал проволоку в окне вагона и помог выбраться шести женщинам (среди них Гута Бтонес, Хайка Бетхатовская, Верник, М. Койфман) и затем выбрался сам. Подобные подвиги были бы невозможны во время первых депортаций. Даже если бы кто-нибудь попытался совершить побег, другие жертвы никогда бы ему это не позволили из страха перед местью немцев. Но к тому моменту евреи, наконец, начали понимать, что депортация означает верную смерть. Было ясно, что альтернативы нет, так, по крайней мере, хоть умереть достойно. Но, как вполне естественно для людей, они все еще пытались, насколько возможно, оттянуть «достойную» смерть.

В конце декабря 1942 года мы получили первую партию оружия от Армии Крайовой: десять пистолетов, так что подготовку к главному сражению начать так и не удалось. Мы планировали начать операцию 22 января с карательной акции против еврейской полиции. Но 18 января 1943 года гетто было окружено, и вновь началась очередная «ликвидация». На сей раз немцы уже не смогли осуществить свои планы. Четыре боевые группы забаррикадировались, и впервые в гетто, оказали вооруженное сопротивление.

ЖОБ получила боевое крещение в сражении на углу улиц Мила и Заменхофа. Наши потери были огромны. Командовал Мордехай Анилевич, который вышел из боя живым. Мы поняли, что уличная борьба обойдется нам слишком дорого из-за недостаточной подготовленности и отсутствия необходимого оружия. Поэтому было принято решение перейти к партизанской войне. Произошли четыре серьезных стычки, в жилых домах № 40

на улице Заменхоф, № 44 на улице Мурановская, № 34 на улице Мила и № 22 на улице Францисканская. В районе фабрики Шульца эсэсовцы, принимавшие участие в высылке, были атакованы боевиками. Товарищ А. Файнер принимал участие в этой акции и там погиб.

Одна из наших боевых групп, все еще безоружная, была захвачена немцами и отправлена в «Умшлаг». Незадолго до отправки на железнодорожную станцию, Б. Пельц предложил сорвать посадку. В результате все шестьдесят депортируемых отказались лезть на грузовик. Ван Оуппен (комендант Треблинки) расстрелял всех на месте. Но пример этой группы вдохновил всех на сопротивление фашистам при любых обстоятельствах.

Из 50-ти подготовленных боевых групп в январе задействованы были только пять. Остальные оказались не готовы к моменту прихода немцев в гетто. Они были захвачены врасплох и не смогли пробиться к месту, где хранилось их оружие.

И вновь, как это уже случилось ранее, 80 % всех боевиков ЖОБ погибли.

Однако начавшееся сопротивления оказало огромное влияние как в гетто, так и за его пределами. Еврейское и польское население немедленно отреагировало на бои в гетто. Впервые за все время планы немцев сорвались. Впервые померк ореол всемогущества и непобедимости вокруг фашистской каски. Впервые простой еврей, «человек с улицы», понял, что можно как-то противостоять оккупационной власти. Не количество уничтоженных бойцами ЖОБ немцев и их приспешников было тут важно, а психологический перелом. Огромное значение имел сам факт, что из-за неожиданного сопротивления, слабых, но непокорных, фашисты были вынуждены нарушить график депортации.

Тем временем легенды о примерно «сотне» мертвых немцев и «огромной» мощи ЖОБ начали распространяться по всей Варшаве. Все польское подполье восхищалось нами. В конце января мы получили от Армии Краевой 50 крупнокалиберных пистолетов и 50 ручных гранат. Была проведена реорганизация ЖОБ. Все боевые группы были распределены по четырем главным участкам гетто. Мы отвечали за район «щеточной фабрики». Марек Эдельман был на нашем участке представителем ЖОБ, а командовал группой боевиков Юрек Блонес. Боевая четверка располагалась в непосредственной близости от места предполагаемых действий. Целью столь строго соблюдаемого постоянного местонахождения было уберечь основную часть боевой группы в случае неожиданного налета немцев, привить навык к военной дисциплине, военному образу жизни и к

постоянному ношению боевого оружия. У границ гетто мы установили посты, несшие бессменную вахту в течение 24-х часов, они обязаны были немедленно сообщать о приближающейся опасности.

Все это время немецкая пропагандистская машина пыталась в очередной раз отвлечь евреев выдуманными историями о «еврейской резервации в Травники и в Пониатове», куда будут эвакуированы фабрики Тоббенса и Шульца и где работающие на них евреи смогут мирно жить до конца войны. В начале февраля 1943 года немцы привезли в гетто двенадцать евреев из Люблинского концлагеря, чтобы убедить жителей гетто добровольно поехать на работу «в превосходных условиях». На следующую ночь боевики ЖОБ окружили место их проживания и вынудили немедленно покинуть гетто. Немцы сделали еще одну попытку. Они назначили Комиссаром по депортации владельца самой большой фабрики гетто «W.C. Tobbens», где шили немецкую униформу, чтобы создать впечатление, будто «эвакуация в Травники и Пониатово» связана с острой нуждой в рабочих руках на германских предприятиях.

ЖОБ, со своей стороны, также провела крупномасштабные антипропагандистские акции. Жители гетто получили по почте несколько наших листовок. В ответ, Тоббенс подготовил собственное обращение к еврейской общине, но оба тиража этого обращения были изъяты ЖОБ из магазина печатных изданий. В течение всего этого периода ЖОБ была в гетто единственной силой и единственной властью, признанной общественным мнением.

Когда, в конце февраля 1943 года немцы сообщили рабочим об «эвакуации» столярной фабрики и магазина Халлмана, лишь 25 из более 1 000 рабочих дали согласие на депортацию. Ночью две отчаянные боевые группы подожгли склады и магазин (в этой акции принимал участие наш товарищ Фриздорф), причинив немцам ущерб более чем на 1 000 000 злотых. В очередной раз тщательно подготовленная немецкая акция была провалена. Фашисты распространили коммюнике, обвинив в поджоге парашютистов. Но еврейской общине уже не надо было объяснять, чьих это рук дело и кто заставил немцев утереться.

В начале марта немцы снова обратились к рабочим щеточной фабрики с предложением зарегистрироваться на «эвакуацию», но ни один из 3 500 рабочих не зарегистрировался. ЖОБ, со своей стороны, не могла остаться безучастной. Все фабричное оборудование, загруженное в железнодорожные выгоны «Умшлага», было подожжено специально подготовленными бутылками с горючей смесью замедленного действия (с плавкими предохранителями).

Немцы чувствовали себя в гетто все более неуютно. Они стали все чаще встречать враждебное отношение не только со стороны боевых групп, но и от общины в целом, охотно выполнявшей все команды ЖОБ.

Авраам Гепнер (1872–1943). Член варшавского Юденрата, возглавлявший снабжение и оказание помощи нуждающимся. Имел связь с еврейским подпольем и помогал в подготовке к восстанию. В апреле 1943 года был убит немцами.

ЖОБ расширяла свои действия, и гетто поддерживало ее. Пекари и торговцы поставляли ей продовольствие. Богатые платили ей налог и основали фонды, для закупки оружия и боеприпасов. ЖОБ определила сумму взноса, которая будет

возмещена еврейскими агентствами общины. Каждому пришлось добровольно или принудительно оплачивать нужды обороны. Юденрат пожертвовал 250 000 злотых. Экономический отдел заплатил 710 000 злотых. В течение первых трех месяцев в фонд обороны поступило примерно десять миллионов злотых. Эти суммы были ввезены на «арийскую сторону», где наши представители организовывали закупку оружия и взрывчатых веществ.

Оружие было доставлено на территорию гетто под видом обычной контрабанды. Подкупленные польские полицейские закрывали глаза на тяжеленные пакеты, в определенных местах перебрасываемые через забор гетто. Люди ЖОБ немедленно принимали их. Еврейские полицейские, охранявшие границы гетто, никого уже не пугали. Нашими активистами по связи с «арийской стороной» были Зигмунд Фридрих (доставивший первую партию оружия), Михаил Клепфиш, Целеменский, Фейгеле Пелтель (Владка) и многие другие. Михаил Клепфиш, в сотрудничестве с польскими группами PS и WRN, организовал крупномасштабные закупки взрывчатых веществ и горючей жидкости (например, 2 000 литров бензина), и после доставки в гетто создал фабрику по производству «коктейлей Молотова» и ручных гранат. Технологический процесс был примитивен и прост, но привлечь к этой работе пришлось многих уволенных с закрытых предприятий. К началу восстания на каждого бойца приходилось в среднем: один пистолет с 10–15 патронами, 4–5 ручных гранат, 4–5 бутылок с зажигательной смесью. Каждый участок обороны имел 2–3 винтовки. На все гетто имелся лишь один пулемет.

Перед ЖОБ теперь встала задача удалить из общины всех, сотрудничавших с немцами информаторов. Были вынесены смертные приговоры почти всем еврейским агентам гестапо. Те, кого мы не успели достать, сбежали на «арийскую сторону» и не смели возвращаться в гетто. Однажды, когда в гетто неожиданно появились четыре агента гестапо, за полчаса трое из них были уничтожены, а четвертый тяжело ранен. Известный гестаповский агент, доктор Альфред Носсиг, был также уничтожен, а на его труп положено удостоверение, выданное ему гестапо в 1933 году.

На встрече командиров ЖОБ в первые дни апреля мы решили расширить нашу деятельность на всю часть города, находящуюся в введенье Юденрата. Был создан специальный комитет. В это же время ЦК Бунда создал свой комитет, в который вошли М. Оржех, доктор Л. Файнер, Бернард Гольдштейн, С. Фишграунд, Целеменский, Самсонович, и для работы на «арийской стороне».

Немцы, по-видимому, поняли, что оставшихся евреев не

удастся убедить покинуть гетто добровольно. Поэтому в гетто были вновь созданы патрули со специальными нарукавными повязками. Одновременно немецкие фабричные охранники заключили в тюрьму несколько десятков евреев, арестованных на улицах гетто за мелкие правонарушения. На следующее утро их должны были депортировать в лагерь Пониатов. Но командование ЖОБ решило иначе. В 5.30 утра, вооруженные боевики ЖОБ появились в «доме охраны», где содержались жертвы. Напуганные полицейские освободили арестованных евреев. Немецкое подразделение, находившееся по соседству, побоялось вмешиваться.

Поэтому немцы изменили метод. Арестованных на улицах сразу же загружали на грузовики и направляли в «Умшлаг». Но еврейские боевики оказались оперативнее. Они отбили арестованных между специальными блоками (так называемом «меж-гетто»), где были развернуты боевые группы ЖОБ.

В период, непосредственно предшествующий окончательной ликвидации гетто, Бунд имел четыре боевые группы, расквартированные в так называемых казармах, (1) в районе фабрики щеток, во главе с Юреком Блонесом; (2) в районе фабрик Шульца, под руководством В. Розовского; (3) две группы в центральном районе гетто, во главе с Л. Грузальц и Давидом Хохбергом.

Наконец немцы решили любой ценой завершить ликвидацию гетто Варшавы. 19 апреля 1943 года в 2 часа ночи от передовых постов наблюдения поступили первые сообщения о приближении немцев. Стало ясно, зачем немецкие жандармы помогали польским полицейским создавать плотное кольцо наружного оцепления с интервалом 25–30 метров. Во всех группах была объявлена тревога и уже в 2.15, то есть спустя 15 минут, все группы заняли боевые позиции. Мы также оповестили всех жителей о надвигающейся опасности, и большинство жителей гетто перебрались в заранее подготовленные укрытия в подвалах и на чердаках зданий. Мертвая тишина окутывала гетто. ЖОБ была начеку.

В 4 часа утра немцы, группами по трое, четверо или пятеро, чтобы не привлечь внимания боевиков и не вызвать подозрения у жителей, начали проходить в район «меж-гетто». Здесь они формировались во взводы и команды. В 7 часов в гетто вошли моторизованные соединения, включая несколько танков и бронетранспортеров. Вне границ гетто расположилась артиллерия. Теперь эсэсовцы были готовы начать наступление. Парадным строем, чеканя шаг они вошли на совершенно вымершие улицы центрального гетто. Их триумф, казался полным. Как если бы великолепно оснащенная современная армия распугала горстку обнаглевших пьяниц, чтобы сопливые мальчишки уразумели наконец, что бессмысленно противостоять такой армаде с парой-другой винтовок и пистолетов.

Но они нас не испугали, и главное, не захватили врасплох. Мы просто ждали подходящего момента. Такой момент, наконец, наступил. Немцы выбрали перекресток улиц Мила и Заменхоф для перекура, и боевая группа, укрывшаяся за баррикадами на четырех углах улицы, открыла по ним плотный огонь. Странные гранаты (ручные гранаты собственного производства) загремели со всех сторон, единственный пулемет стрелял короткими

очередями (экономя боеприпасы), издали открыли огонь винтовки. Это было начало.

Немцы попытались отступить, но путь к отступлению был отрезан. Улицы были завалены немецкими трупами. Оставшиеся пытались укрыться в соседних магазинах и парадных домов, но и эти укрытия не помогали. Две разогнанные отборные роты СС вызвали танки и под их прикрытием вынуждены были начать «победное» отступление. Но даже танки несли потери. Первый был сожжен одной из наших бутылок с зажигательной смесью, остальные предпочли не приближаться к нашим позициям. Судьба немцев, оказавшихся в уличной ловушке, была решена. Ни один не ушел живым. Среди групп, принявших там первый бой, были группы под командованием Грузалка (Бунд), Мердека (ha-шомер), Хохберга (Бунд), Берека (Дрор), Павела (PPR).

Одновременно бой шел на пересечении улиц Налевки и Гесиа. Две боевые группы караулили вход в гетто на случай прибытия подкреплений. Бой продолжался больше семи часов. Немцы прятались за матрацы, но партизаны поджигали их. Немецкие санитарные машины непрерывно отвозили раненых на маленькую площадь около Юденрата и высаживали на тротуаре, где раненые ожидали очереди на операцию. На углу улицы Гесия наблюдатели немецких ВВС передавали для бомбежки координаты позиций партизан. Но укротить наших боевиков было невозможно — ни с воздуха, ни с земли. Сражение закончилось изгнанием немцев с улиц Гесия-Налевки.

Тяжелый бой шел и на Мурановской площади. Здесь немцы атаковали бойцов сопротивления со всех направлений. Загнанные в угол, наши боевики нечеловеческими усилиями отражали атаки фашистов. Тут действовали 2 немецких пулемета и огромное количество другого оружия. Один немецкий танк был сожжен (второй за этот день).

В 2 часа пополудни на территории гетто не осталось ни одного живого немца. Это была первая полная победа ЖОБ над фашистами. Остальная часть дня прошла в «мертвой тишине», за исключением артиллерийского обстрела Красинской площади и нескольких бомбежек с воздуха.

На следующий день до 2 часов пополудни было тихо. Потом немцы скрытно приблизились к воротам щеточной фабрики. Они не подозревали, что в ту же минуту наш наблюдатель взял в руки штепсель. Передовая группа подошла к воротам и попыталась открыть их. В тот же миг штепсель был включен в розетку и под ногами эсэсовцев взорвался заряд. Около сотни фашистов погибли при этом взрыве. Остальные под огнем наших боевиков отошли.

Два часа спустя, немцы предприняли новую попытку. Теперь уже, двигаясь друг за другом и врассыпную, они попытались проникнуть на фабрику. Но вновь были встречены ожидавшими их нашими бойцами. Из тридцати фашистов, подобравшихся к цеху, лишь нескольким удалось унести ноги. И снова немцы отошли от гетто. Это была вторая победа.

Немцы неоднократно пытались прорваться в гетто с разных сторон, но везде натыкались на встречный огонь. Каждый дом превратился в крепость.

> Одна из групп на чердаке внезапно попала в окружение. Немцы проникли на чердак и отрезали наших бойцов от лестницы. В темных углах чердака мы не могли даже видеть друг друга, естественно, никто и не заметил, как снизу за немцами поднялись по лестнице Севек Дунский и Юнгхаузер и, добравшись до чердака, бросили в них гранату. Не поняв, что произошло и, ничего не разглядев, Михаль Клепфиш бросился к немецкому пулемету, стреляющему из-за дымовой трубы. Мы только успели заметить, что путь свободен. Спустя несколько часов немцы были отброшены, и только тогда мы обнаружили тело Михаля, изрешеченное очередями двух пулеметов.

Район щеточной фабрики так и не был занят фашистами.

Несколько слов о совершенно беспрецедентном событии. Появились три офицера, положили автоматы на землю. У них в петлицах были белые розетки парламентеров, для переговоров с местной командой обороны. Предложили 15-минутное перемирие, чтобы унести убитых и раненных. И еще они предлагали всем жителям «организованную эвакуацию» в трудовые лагеря Пониатова и Травники с возможностью взять с собой все необходимые вещи.

Нашим ответом был огонь. Каждый дом превратился в ощетинившуюся крепость. Со всех этажей, из всех окон рвалась ненависть к фашистским каскам и их сердцам.

> В маленьком окне четвертого этажа на боевом посту наш пожилой солдат Диамант с длинной винтовкой времен русско-японской войны. Диамант флегматичен, его движения медленны, но целенаправленны. Молодые ребята, стоящие рядом, пытаются поторопить его. Но Диамант невозмутим. Он прижимает к телу винтовку и жмет на курок. Каждый выстрел находит своего немца.
>
> В окне второго этажа с озлоблением бьет по

фашистам Двойра. Те замечают ее и кричат: «Schau, Hans, eine Frau schiesst!»[6] Они пробуют достать ее, но тщетно. Она, видимо, отошла, так что немцы быстро уходят.

В парадном на первом этаже Шламек Шустер и Казик одну за другой бросают гранаты. Вскоре гранаты заканчиваются, хотя два немца все еще идут по внутреннему двору. Шламек достает бутылку с зажигательной смесью и кидает в немца, попадает точно по каске и фашист превращается в горящий факел.

Наши позиции были настолько неприступны, что фашисты вынуждены были отказаться от прямых атак. Они решили выкурить нас, подпалив фабрику со всех сторон. Огонь мгновенно распространился по всему блоку. Черный дым душил, обжигал глаза. Никто не хотел погибнуть в пламени. Мы решили рискнуть и любой ценой прорваться в центр гетто.

Пламя опаляет нашу одежду, она начинает тлеть. Тротуар плавится от жара и чернеет под нашими ботинками. Вся улица засыпана осколками стекла, ботинки тонут в липкой жиже. Подошвы раскаляются от жара каменного тротуара. Один за другим мы прорываемся через пожарище. От дома к дому, от двора к двору, не хватает воздуха, головы раздирает изнутри гул сотен стучащих молотков, беспрерывно падают горящие стропила, но наконец нам удается выбраться из зоны пожара — ощущение, будто из ада вырвались.

Но самая трудная часть пути еще впереди. В центр гетто ведет только одна дорога — через маленький пролом в пограничной стене, который охраняется с трех сторон украинскими жандармами и «темно-голубыми» (польской полицией). Пять групп боевиков должны проскользнуть через их заслоны. Один за другим, с обернутыми тряпками ботинками, чтоб заглушить звук шагов, группы Гутмана, Берлинского и Гринбаума прокладывают себе дорогу через пролом. Прорвались! Группа Юрека Блонеса идет замыкающей. В момент, когда первый из этой группы появляется на улице, весь стенной разлом освещает немецкий прожектор. Кажется, что это конец, никому не остаться в живых. И вдруг прицельный выстрел Романовича по прожектору буквально парализует немцев. Этого оказывается достаточно, чтоб группа успела перебраться на другую строну.

Мы продолжали сражаться в центральном гетто вместе с другими группами этого района. Тут тоже, как и в районе щеточной фабрики, почти невозможно свободно передвигаться по улицам. Случалось, что целые районы и улицы блокировались огромными пожарами. Пламя охватывало здания и внутренние дворы, с треском горели деревянные части, стены рушились. Нечем было дышать. Черный тяжелый дым и жар исходили от раскаленных стен, от пылающих каменных лестниц.

Пожар смог сделать то, что не удалось немцам. Тысячи людей погибли в пламени. Всюду стояло зловоние горящих тел. Обугленные трупы лежали вокруг, на балконах, в оконных проемах, на сохранившихся лестничных маршах. Пламя выгоняло людей из убежищ, заставляло их бросать подготовленные безопасные укрытия на чердаках и в подвалах. Во внутренних дворах тысячи людей стали легкой добычей немцев, которые упрятали их в тюрьму или уничтожили на месте. Измотанные до невозможности, они засыпали на дорогах, в подъездах, сидя, и их, спящих, фиксировал выстрел проходящего немца. Никто не обращал внимания на старика в углу, которому не суждено проснуться, на вот уже третий день холодную и мертвую мать… хватая пустую грудь, напрасно заходится криком младенец у нее на руках. Сотни людей кончали самоубийством, прыгая с верхних этажей жилых домов. Так матери спасали детей от ужасной смерти в огне. Польское население на Светожерской улице и на Красницкой площади наблюдало эти сцены.

После «показательных уроков» в центральном гетто и в районе щеточной фабрики немцы надеялись, что другие районы больше не будут сопротивляться «добровольной» депортации из гетто. Они объявили крайний срок для сбора, угрожая аналогичными репрессиями. Но на оставшихся в живых ни просьбы, ни угрозы уже не действовали.

Бойцы сопротивления повсюду были начеку. В районах Тоббенс и Шульц они начали с нападений на немецкие подразделения, направляющиеся в центральное гетто. С балконов, окон и крыш они закидывали грузовики с эсэсовцами ручными гранатами, бутылками с зажигательной смесью, стреляли по ним из пистолетов и немногочисленных винтовок. Взрывали даже грузовики, направляющиеся к «арийской стороне». Однажды Розовский и Шиомо, патрулируя свой район, увидели приближающийся немецкий грузовик. Быстро взобравшись на балкон, они сбросили на него 2-х килограммовый порошковый заряд, уничтожив 54 эсэсовцев из шестидесяти.

По истечении пяти дней (крайний срок для «добровольной» эвакуации) немцы начали «осваивать» территорию, но сразу же

столкнулись с силами сопротивления. К сожалению, из-за отсутствия электроэнергии не удалось использовать заранее подготовленные ямы-ловушки. Но тяжелые бои продолжались. Боевики, забаррикадировались в зданиях и создавали серьезные препятствия на пути оккупантов. Как и в других районах гетто, каждый дом, ощетинившись, сражался. Особенно тяжелые бои шли в жилых домах: 41, 64 и 67 на улице Новолипки, 56 и 72 на улице Лешно.

> В доме 56 по улице Лешно Юрек на своем участке обороны загнан в угол, но продолжает отстреливаться. Группа эсэсовцев окружила его и бросила гранату. Юрек ловко поймал гранату в воздухе и метнул ее назад. Четверо эсэсовцев были убиты на месте.
>
> Представитель командующего этого участка Шиомо находился в доме 72 на Новолипской улице. Внезапно группа была окружена. Казалось, пути к спасению нет. Шиомо быстро срывает с кровати простыню и на ней спускает всех со второго этажа во двор дома.

И в этом районе, как и в остальных, немцы, наконец, достигли цели, поджигая дома один за другим.

Ввиду изменения обстановки ЖОБ решила изменить тактику, чтобы защитить многочисленных мирных жителей. Два отряда ЖОБ (Хохберга и Шнайдмил) перевели, средь бела дня, несколько сотен человек из разрушенных укрытий в дома 37 и 7 по улице Мила. Больше недели не подпускали бойцы фашистов к последним убежищам тысяч людей.

Пылающему гетто пришел конец. В нем просто не оставалось жилых кварталов и, что еще страшнее, не было воды. Бойцы сопротивления прятались в подвалах вместе с жителями.

Вооруженные столкновения происходили теперь, главным образом, ночью. Днем гетто вымирало. Немцы и патрули ЖОБ сталкивались на улицах в кромешной тьме. Выигрывал тот, кто первым открывал огонь. Наши патрули распространили свою деятельность на все районы гетто. Огромные потери несли каждую ночь обе стороны. Немцы и украинцы начали патрулировать улицы большими группами и устраивали на наших людей засады.

Комендант Юргент Струп (слева в центральной группе) наблюдает за горящим гетто. 16.05.1943

Юргент Струп на судебном процессе. Варшава, 1951.

Первого мая командование приняло решение отметить праздник. Несколько боевых групп вышли из укрытий, чтобы выследить большую группу немцев. Вечером этого дня мы собрались вместе. Выступило несколько человек и спели Интернационал. Многие в мире отмечали этот праздник, но никогда прежде Интернационал не звучал в столь трагической обстановке — гибла целая нация. Слова и песня на фоне обугленных руин были символом того, что молодежь борющегося гетто, перед лицом смерти, сознательно идет в последний бой.

Положение сопротивления осложнялось огромными потерями. Не было не только продовольствия и воды, не хватало и боеприпасов. Отсутствовала связь с «арийской стороной» и

поэтому Армия Людова не могла нам ничего добавить к прежним 20 винтовкам с боеприпасами.

Теперь немцы разыскивали живых защитников гетто с помощью звукоуловителей и полицейских собак. 3 мая они обнаружили в доме 30 по улице Францисканской большую группу наших бойцов, которые прежде защищали район щеточной фабрики. Бой продолжался два дня, и половина наших людей погибла. От взрыва ручной гранаты погиб Берек Шнайдмил. Но даже в самые трудные моменты бодрость духа не оставляла Абрашу Блума. Он старался поддержать дух своих боевых друзей. Его присутствие среди нас придавало силы и значило больше, чем оружие. Вряд ли можно говорить о победе в условиях, когда погибло так много наших соратников. Но фашистам безусловно не удалось добиться поставленной цели: депортировать живых и сломить нашу волю.

8 мая подразделения немцев и украинцев окружили штаб ЖОБ. Бой продолжался два часа. Когда они убедились, что взять бункер штурмом не удастся, внутрь была брошена газовая бомба. Все, кого не достала пуля и не убил газ, предпочли застрелиться, чтоб не попасть живьем в руки нелюдей. Среди них был и Юрек Вильнер. Лутек Ротблат застрелил мать, сестру и себя. Рут стреляла в себя семь раз.

Почти 80 % остававшихся в живых бойцов погибли и среди них Командующий ЖОБ Мордехай Анилевич.

Ночью те, кому чудом удалось избежать смерти, соединились с немногими живыми бойцами из группы щеточной фабрики, перешедшими в дом № 22 на Францисканской улице.

В ту же ночь пришли двое наших связных (С. Ратайзер — «Казик» и Франек) с «арийской стороны».

К сожалению, было уже поздно. ЖОБ уже практически перестала существовать. Оставшиеся в живых не могли даже собраться, чтобы вместе покинуть гетто.

Всю ночь мы пробирались через канализационный коллектор, переползали через многочисленные заграждения, построенные немцами. Всевозможные ловушки находились под кучами щебня, растяжки с ручными гранатами, взрывающимися при малейшем касании. Время от времени немцы подавали в коллектор газ. В этих условиях мы шли по 700 миллиметровому коллектору, где невозможно было выпрямиться, где вода порой доходила до губ. 48 часов мы дожидались возможности выйти на поверхность. Каждую минуту кто-то терял сознание. Жажда была нестерпимой. Некоторые не выдерживали и пили жирную, слизистую воду коллектора. Каждая секунда тянулась как месяцы.

10 мая в 10 часов утра два грузовика, притормозили над

люком на перекрестке улиц Проста и Тварда. Средь бела дня, без прикрытия (обещанное Армией Крайовой прикрытие сорвалось и только трое наших связных и товарищ Крзачек — представитель Армии Людовой — патрулировали улицу), люк открылся, и один за другим, в тесном пространстве под машиной, из темного отверстия начали появляться вооруженные евреи (к этому времени появление любого еврея было уже сенсацией). Не все смогли выбраться. Тяжелый люк захлопнулся, и грузовики быстро умчались.

Две боевые группы остались в гетто. Мы поддерживали с ними контакт до середины июня. Затем их следы исчезли.

Те, кто пробрался на «арийскую сторону» продолжили борьбу в партизанских лесах. Большинство из них погибло. Небольшая группа, которая осталась в живых, принимала активное участие в Варшавском восстании 1944 года, как «ЖОБ-группа». В настоящее время (год 1945) живы Хайка Бетхатовская, Б. Шпигель, Хана Кристал, Маша Глейтман и Марек Эдельман.

* * *

Абраша Блум — был идейным вдохновителем вооруженного сопротивления в нашей партии. Физически очень слабый, но идеологически убежденный и бескомпромиссный. Он брал на себя самые ответственные решения и был авторитетом и примером для молодежи. Он не позволял себе расслабляться.

Спокойный и собранный в наиболее трудные моменты, он всегда думал и заботился о ком-то еще. Он попросту считал это своей обязанностью, так он всегда поступал с наиболее трудными заданиями. Несколько раз друзья, беспокоясь о его безопасности, убеждали его покинуть гетто и перебраться на «арийскую сторону». Он не соглашался, желая остаться в гетто до самого конца. И он остался на своем посту, несмотря на то, что был физически неспособен сражаться. Он не имел оружия, но оставался в числе команды. 3 мая, в ходе боя за штаб щеточной фабрики он, невооруженный, пошел на врага, чтобы погибнуть со всеми.

Юрек Блонес — молодой командир боевой группы, дислоцированной в районе щеточной фабрики. Дважды в течение самого трудного периода, когда казалось, что все потеряно, он оставался на боевом посту, и один противостоял немцам, чем спасал жизнь своим боевым товарищам и гражданским жителям гетто. Погиб в бою.

Мейлах Перельман — командир боевых патрулей в центральном гетто. Он несколько раз сам вел своих товарищей по оружию, когда приходилось переходить границы гетто. В

последнем патрулировании он был трижды ранен немецким снайпером. Серьезное ранение в живот лишило его возможности двигаться, но он не оставил руководство. Он обеспечил надежное укрытие для четырех патрулей. Но когда немцы нашли их базу, уйти в укрытие он смог. Товарищи оборудовали ему сравнительно удобную и защищенную позицию снаружи. Когда немцы приблизились в 11 часов утра, он взял оружие и приказал остальным уйти в укрытие. Оставшись наверху один, он погиб в бою.

Давид Хохберг — командир боевой группы в центральном гетто. Почти ребенок. Его мать так мечтала сохранить его жизнь, что запретила ему вступать в ЖОБ. Когда немцы приблизились к бункеру, где укрылись пять боевых групп и несколько сотен гражданских жителей, их гибель казалась неизбежной, Давид бросил оружие и прикрыл узкий проход своим телом. Он был убит немцами, но пока они вытаскивали его тело «втиснутое» в проём, все гражданские и бойцы успели покинуть убежище.

Тобся Давидович — связная, обеспечивавшая контакт между районами фабрик Шульца и Тоббенса. Более 12 раз совершала свой путь под огнем противника. Когда в последний раз она вела свою группу ко входу в коллектор для перехода на «арийскую сторону», растянула сухожилья лодыжки и не могла идти. Друзья хотели помочь ей спуститься в коллектор, но Тобся сказала, что не может обременять их своей немощью и, закрыв сверху за ними крышку колодца, осталась в гетто, где и погибла.

* * *

10 мая 1943 года закончился первый период кровавой истории евреев Варшавы. Место, где стояло когда-то гетто, стало кучей щебня высотой в три этажа.

Те, кто погиб в бою, довели свою работу до конца, пропитав своей кровью тротуары Варшавского гетто.

Мы, кто не погиб, сохраним память о них навсегда.

Александрович Яков (Хаим Меер)

Альтенберг Эстер

Певица Айзенштат Мириам

Альтерман Маня (Малка)

Альтман Тося

Артштейн Зехария

Баран Двора

Бар Геня

Белавский Йозеф (Ицхак)

Берлинский Гирш

Берман Авраам (Адольф)

Бидерман Крыся (Сара)

Бидерман Менахем

Билек Яков (Янек)

Блаустейн Ицхак

Блох Липа (Элиезер)

Бойм Мохель (Исраэль)

Брантстайтер Михаэль (Ухиэль)

Браслав Шмуэль

Брауде Бер (Бройде)

Актриса Браз Хана

Буксбаум Натан

Игла Зигмунд

Избик Мира

Опосинский Перец

Темкин-Берман Батя

Эдельман Марек

Эрлих Элиаху

Эйзен Иегуда

Эпштейн Алекс

Эльстер Пола

Памяти детей Варшавского гетто

Мемориал всем жертвам Варшавского гетто

notes

Примечания

1

«Народная газета», ежедневная.

2

«Еврейский совет» (*нем.*)

3

Самуил («Артур») Зигельбойм, лидер польского Бунда, член Варшавского Юденрата выехал в Лондон, где вошел в состав польского правительства в изгнании. Он пытался пробудить общественное мнение, организовать протест против массового уничтожения европейских евреев. Покончил с собой от отчаяния, потерпев неудачу на этом поприще. В предсмертном письме он так оценил позицию мировой общественности: «Смертью своей я выражаю гневный протест против апатии мировой общественности, равнодушно взирающей на трагедию еврейского народа»

PPS — Польская Социалистическая партия.

«Перевалочный пункт» (*нем.*).

6

«Смотри Ганс, женщина стреляет!» (*нем.*)